

научно

теоретический

и научно

практический

журнал

ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ АРХИВЫ

№ 1

ИЗДАЕТСЯ С 1923 ГОДА

ВЫХОДИТ ОДИН РАЗ В ДВА МЕСЯЦА

1994

Протоколы допросов организатора Петроградского женского батальона смерти

В отличие от зарубежной отечественная историография не уделяла достаточного внимания раскрытию забытых женских имен. О целом ряде женщин, волею судьбы сыгравших заметную роль в российской истории, практически мало что известно. Одной из таких фигур является организатор Петроградского женского батальона смерти — Мария Леонтьевна Бочкирева. Справочные издания, упоминая ее имя, не раскрывали биографии, дат рождения и смерти. Во многом это объяснялось тем, что воспоминания Бочкиревой, изданные в 1919 г. в Нью-Йорке на английском языке, — «Яшка. Моя жизнь крестьянкой, офицером и ссыльной» долгое время были закрыты из-за их «кантисоветского» содержания¹. Лишь в 1992—1993 гг. появились первые публикации о судьбе М. Л. Бочкиревой, по российскому радио прозвучали посвященные ей передачи².

В своих воспоминаниях Мария Леонтьевна написала, что родилась в июле 1889 г. в семье Леонтия Семеновича и Ольги Елеазаровны Фролковых в деревне Никольское Кирилловского уезда Новго-

родской губернии³. Уточнить эту дату в Государственном архиве Новгородской области не удалось. Документы Кирилловского уезда в свое время были переданы в Вологодский облгосархив, но и там метрических книг Николаевской церкви в Никольском выявлено не было. Однако вологодские архивисты установили дату рождения матери Бочкиревой — Ольги Елеазаровны, в девичестве Назаревой. В фонде Вологодской духовной консистории в метрической книге Чарондской церкви Кирилловского уезда за 1858 г. значится, что родилась она 9 (крестилась 11) июля в селе Чаронда (регистрационный номер — 11); отец — Елеазар Иванович, мать — Анна Петровна⁴.

В середине 90-х годов Фролковы переселяются в Сибирь, в поселок Ксеньевский Ново-Кусковской волости Томского уезда. Однако в списке первых поселенцев поселка за 1897—1910 гг. в Асиновском краеведческом музее фамилию Фролковых обнаружить не удалось.

С восьми лет родители отдают дочь в прислуги; в пятнадцать — она переживает

первую любовь к жившему по-соседству поручику Василию Лазову; в шестнадцать — вступает в брак с Афанасием Бочкиревым. В Томском областном архиве сохранилась запись в книге Вознесенской церкви от 22 января 1905 г.: «Первым браком Афанасий Сергеев Бочкирев, 23 лет, православного вероисповедания, проживающий в Томской губернии, Томском уезде, Семилужской волости, деревне Большое Кусково», взял в жены «девицу Марию Леонтиеву Фролкову, православного вероисповедания, проживающую в Томской губернии, Томском уезде, Ново-Кусковской волости, поселке Ксеньевском»⁵. Чтобы встать под венец, Марии пришлось к 16 годам приписать два года — случай довольно частый в крестьянских семьях.

По воспоминаниям Бочкиревой, первое супружеское лето молодожены провели на работе в Иркутской дорожной конторе. Мария готовила бетонный раствор; через пять месяцев она назначается помощником десятника, муж же оставался чернорабочим. Он стал пить, попрекать прежней связью с Лазовым. Не желая терпеть побои и унижения, Бочкирева сбегает от Афанасия к сестре в Барнаул. После болезни теряет работу, нанимается «прислугой» в публичный дом в Сретенске, где знакомится с Янкелем Буком, крестьянином Читинского уезда Чиронской волости, промышлявшим разбоем на сибирских дорогах. На его деньги открыли мясную лавку, там Мария и работала. Но тихая семейная жизнь продолжалась всего три года. В один из майских вечеров 1912 г. Якова арестовывают и отправляют в Иркутск. Открыто называя себя гражданской женой, Бочкирева добивается свидания с ним в иркутском централе и решает разделить судьбу любимого человека. Этап двинулся в Якутск в мае 1913 г.

В Национальном архиве Республики Саха (Якутия) сохранились любопытные документы. Так, распределительный список на административного ссыльного Янкеля Гершева Бука сообщает, помимо его примет («23 лет, росту 2 аршина 5 вершков. Волосы на голове — черные; усах — русые; глаза — карие; нос — обыкновенный; лицо — в веснушках»), приговор иркутского генерал-губернатора от 18 августа 1912 г., предписывающий выслать его «под гласный надзор полиции в Якутскую область». В г. Якутск Я. Бук прибыл 14 июня 1913 г.⁶ Но и здесь, судя по рапорту начальника полиции от 30 марта 1914 г., Янкель Бук не прекращает своих занятий: то он скупает краденые вещи, то обирает хозяина своей квартиры, то, получив

место продавца в городской мясной лавке, обманывает и избивает покупателя и т. д. Упоминается в рапорте и Бочкирева: «Сожительница Бука — Бочкирева, в одну из минут откровенности, вызванной времененным раздором с ним, открыла целый ряд преступлений, совершенных Буком в Забайкалье, здесь фигурируют крупные и мелкие кражи, сбыт и прием краденого и даже разбойное нападение, при активном его участии, на почту»⁷.

В августе 1914 г. началась война: Мария Леонтьевна писала в книге: «Мое сердце стремилось туда — в кипящий котел, принять крещение в огне, закалиться в лаве. Дух жертвоприношения вселился в меня. Моя страна звала меня»⁸. Она решает порвать с Янкелем и завербоваться солдатом в действующую армию.

В ноябре 1914 г. Бочкирева встретилась с командиром 25-го резервного батальона, расквартированного в Томске, который предложил ей завербоваться в Красный Крест, но Мария настаивала на своем. Тогда, чтобы отделаться от назойливой посетительницы, ей посоветовали послать телеграмму на имя императора. На последние восемь рублей Мария отправляет такую телеграмму и ко всеобщему удивлению получает высочайшее разрешение. Ее зачислили в вольнонаемные солдаты в 4-ю роту 5-го полка 25-го резервного батальона. По неписанному правилу среди русских солдат было принято давать друг другу клички, и на вопрос, как ее называть, Бочкирева, вспомнив о Буке, ответила — «Яшка».

В феврале 1915 г. полк получил назначение следовать в Полоцк, во 2-ю армию. Мария попала на передовую; через три дня после прибытия идет в наступление. За «выдающуюся доблесть, проявленную в спасении многих жизней под огнем» она получает свою первую награду. «Яшка» оказалась храбрым солдатом: ходила в штыковые атаки, вытаскивала раненых с поля боя, сама была несколько раз ранена. За боевое отличие получила полный бант Георгиевских крестов и ряд медалей.

Силу личности Марии Леонтьевны, в период формирования Петроградского батальона смерти в 1917 г., ярко иллюстрирует небольшой фрагмент «Из дневника солдата Кировой»: «Но больше всего выделялась инициаторша боевого отряда, женщина унтер-офицер [Бочкирева]. Это был наш начальник, и она, действительно, походила на начальника. Что-то властное было в ее небольших темных глазах и в крепком низком голосе. Она, взобравшись на стул, произнесла речь, в которой звала нас

умереть без единого вздоха, без малейшего страха и упрека. «Я поведу вас в бой, женщины,— громко говорила она,— и если какая из вас испугается, я застрелю ее на месте. Дисциплина у меня будет железная»⁹.

Адъютант командира батальона Н. Н. Скрыдлова. 1917 г. Альбом № 531. Снимок № 198

О дальнейшей судьбе Бокаревой расскажут протоколы ее допросов, хранящиеся в архиве Управления Министерства безопасности РФ по Омской области. Их публикация позволяет проследить процесс ведения следствия органами ВЧК в двадцатом году. Уголовное дело, на 36 листах, сформировано, как указано на титульном листе, в Особом отделе Революционного совета 5-й армии. Все документы перечислены во внутренней описи. Кроме протоколов, заполненных следователями и подписанных Бокаревой, в деле подшиты: переписка между следственными органами и местами заключения (в основном препроводительные письма), справка о состоянии здоровья подследственной, копия приказа начальника гарнизона по охране государственного порядка г. Омска колчаковского

М. Бокарева. 1917 г. № 2-100178

правительства, удостоверение коменданта г. Томска, письмо двух сибирячек с просьбой о зачислении в отряд Бокаревой, донос на Бокареву ее сокамерницы. Судя по тому, что последние листы дела перенумерованы, в нем находился документ (не отраженный в описи), на основании которого постановление от 21 апреля 1920 г. о направлении дела и обвиняемой в Москву было пересмотрено. Он существенно помог бы разобраться в мотивах резолюции полномочного представителя ВЧК в Сибири, председателя Сибирского чрезвычайного ревтрибунала И. П. Павловского, вынесенной им 15 мая 1920 г. в заключении к окончательному протоколу допроса,— «Бокареву Марию Леонтьевну расстрелять».

Если учесть, что постановлением ВЦИК и СНК от 17 января 1920 г., подтвержденным 2 февраля, смертная казнь «...как по приговорам Всероссийской Чрезвычайной комиссии и ее местных органов, так и по приговорам городских, губернских, а также и Верховного при Всероссийском Центральном Исполнительном комитете трибуналов» была отменена¹⁰,

то, видимо, убийство женщины входило в планы Павлуновского перед предстоящим процессом над видными деятелями колчаковского режима 20—30 мая 1920 г. Так решение «представителя Москвы», выдвинутого Ф. Э. Дзержинским с согласия В. И. Ленина для организации ЧК в Сибири, стало решающим в жизни малограмотной крестьянки: вместо отправки в Москву для доследствия дела ее поставили к стенке. При внимательном изучении титульного листа, среди множества грифов, была выявлена приписка — «исполнено пост[ановление] 16 мая».

В соответствии со ст. 1, 3, 5, 8 Закона РФ от 18 октября 1991 г. «О реабилитации жертв политических репрессий» и решением Прокуратуры Омской области от 9 января 1992 г. организатор Петроградского женского батальона смерти М. Л. Бочкарева полностью реабилитирована.

Вступительная статья, комментарии и подготовка текста к публикации С. В. Дрокова.

Подборка иллюстративных материалов из РГАКФД Г. Е. МАЛЫШЕВОЙ.

¹ Botchkareva A. Yashka. My life as peasant, officer and exile. N. Y., 1919.

² Бударин М. Дочь Сибири // Омская правда. Апрель 1992. № 55—58; Спиридов И. Она сражалась за родину. Родина этого не простила // Новое обозрение. Омск, 23 апреля 1992. С. 5; Белицкий Я. Батальон смерти // Семь дней. Выпуск для Урала, Казахстана и республик Средней Азии. Октябрь 1992. № 42. С. 10; Дроков С. Я не рождена для братания с врагом // Подмосковье. 25 апреля 1992 г. № 17. С. 8; Он же. Яшка. Кто командовал женским батальоном смерти // Огонек. Июнь 1992 г. № 24—26. С. 21—23; Он же. Моя страна звала меня // Дружба народов. 1993. № 6. С. 5—15; Он же. Организатор Женского батальона смерти // Вопросы истории. 1993. № 7. С. 164—169.

³ Botchkareva M. Op. cit. P. 5.

⁴ Государственный архив Вологодской области. Ф. 496. Оп. 13. Д. 11. Л. 3 об.

⁵ Государственный архив Томской области. Ф. 527. Оп. 1. Д. 304. Л. 116 об.—117.

⁶ Национальный архив Республики Саха (Якутия). Ф. 15и. Оп. 10. Д. 2279. Л. 5 об.—6.

⁷ Там же. Л. 7—9.

⁸ Botchkareva M. Op. cit. P. 66.

⁹ Григоров Л. Из дневника солдата Кировой // Армия и флот свободной России. Пг., 9 августа 1917. № 184. С. 2—3.

¹⁰ Декреты советской власти. М., 1974. Т. 7. С. 104—105, 161.

№ 1—4

Протоколы допросов М. Л. Бочкаревой

8 января — 5 апреля 1920 г.

№ 1

8 января 1920 г.

1920 г. Января 8 дня. Я, следователь Особого отделения № 1 Реввоенсовета 5-й армии Пидобер, допросил Бочкареву:

1. Фамилия, имя и отчество: Бочкарева Мария
2. Сколько лет: 31 год
3. Уроженец: Томск[ой] губ[ернии] Томск[ого] уезда Кусковск[ой] волости
4. Место постоянного жительства: —
5. Национальность и вероисповед[ание]: рус[ская] правосл[авная]
6. Партийность: непартийная
7. Женат или холост: замужем
8. Социальное положение: крестьянка
9. Образование: где, когда и что окончил: без образ[ования]
10. Собственное имущественное положение: —
11. Специальность: поручик
12. Был ли под судом, следствием: где, когда, за что: не состояла
13. Служил ли в полиции, жандармерии, охранке: где и когда: не служила

По делу могу сказать следующее. Я абсолютно отрицаю то, что я будто бы принимала какое-нибудь участие во главе своего батальона в защите власти Керенского. В момент падения Керенского я была на фронте под Молодечно. В это же время я получила приказ о расформировании своих батальонов и направилась в Пет-

рограф, где была арестована, но вскоре выпущена. Относительно дальнейшей своей деятельности могу сказать следующее: я уехала на родину в г. Томск, оттуда, через Владивосток, в Америку лечиться¹. В августе 1918 г.— в Англию, оттуда — в Архангельск². В сов[етскую] Россию я ехать не хотела, так как я ему³ не верила. В Архангельске я прожила около года на пенсии как поручик, но отклонила предложение ген[ерал]-губ[ернатора]⁴ заняться формированием добров[ольческих] частей. В июле 1919 г. я направилась опять в Томск⁵.

Повторяю, что не осталась я в сов[етской] России потому, что я верила в Колчака и его правоту, но я желала получить отставку и явилась на прием к Колчаку. Этот последний в отставке мне отказал, говоря, что я им еще нужна, если не в боевом отношении, то как санитарный организатор, и велел мне сформировать верный женский сан[итарный] отряд под [учику] Бочкиревой, формированием которого и занялась. Во время отступления от Омска, Новониколаевска и Томска я уже разочаровалась в б[ывшем] правит[еле]. Осталась при отступлении в Томске. Отрицаю, что я знала, как пользовалось колчак [овское] прав[ительство] моим именем для добровольческой агитации, но я не протестовала, так как это мне льстило, а во-вторых, я не считала себя вправе протестовать⁶. Сведений относительно белой армии я никаких дать не могу, так как ничего не знаю. Больше ничего сказать не могу. Сказанное верно.

Протокол прочитан. Бочкирева

Следователь Пидобер

Заключение: Из следствия выяснилось, что б[ывший] поручик Бочкирева действовала в качестве организатора б[елой] ар[мии] (санит[арного] отр[яды]), также помогала созыву его⁷ своим именем добровольческой агитации. Все это она делала, веря в [Колчака] и его правоту и, следовательно, не доверяя совместы, кроме того, отказалась дать всякие сведения о белой арм[ии] под предлогом незнания. Все это⁸, а особенно последнее, говорит за то, что б[ывший] поручик Бочкирева не изменила (хотя она убеждает в противном) своих убеждений и веры в белое правительство.

Следователь Пидобер

На документе пометы: «Зачеркнутому и исправленному верить. Следователь Пидобер. 9/1—1920 г.».

Архив Управления МВД РФ по Омской области. Уголовное дело № 796 по обвинению Бочкиревой М. Л., арх. № ОУ 45 (в дальнейшем — Уголовное дело № 796). Л. 7—8. Подлинник.

¹ В интервью томской газете «Сибирская жизнь» 26 октября 1919 г. и воспоминаниях «Яшка» Бочкирева рассказывает, что зимой 1918 г. по заданию председателя Петроградского Георгиевского комитета она нелегально прибыла в ставку генерала Л. Г. Корнилова, поручившего ей встретиться с высокопоставленными лицами бывших союзных России государств и просьбой их помочь для борьбы против большевиков.

² В Архангельск Бочкирева прибыла 27 августа 1918 г. и уже 29-го выступила на городском митинге с призывом к северянам присоединяться к отрядам Антанты.

³ Так в документе.

⁴ Миллер Е. К. (1867—1937?) — генерал-лейтенант. Участник первой мировой войны. В январе 1919 г. вошел как генерал-губернатор во Временное правительство Северной области (ВПСО). В мае назначен Колчаком главнокомандующим войсками Северной области, в сентябре — главным начальником края. С февраля 1920 г. военный министр и управляющий иностранными делами воссозданного ВПСО. В конце февраля 1920 г. эмигрировал. С 1930 г.— председатель «Русского общевоинского союза». Вывезен агентами НКВД из Парижа в Москву, осужден и расстрелян.

⁵ В июле 1919 г. ВПСО была снаряжена получившая в советской историографии название «белогвардейская» Карская морская экспедиция капитана 1-го ранга Б. А. Вилькицкого. Генерал-губернатор приказал предоставить Бочкиревой бесплатный проезд до устья Оби и выдать деньги.

⁶ Далее зачеркнуто: «Лично я ник».

⁷ Далее зачеркнуто слово «агитации».

⁸ Далее зачеркнуто слово «говорит».

Офицеры со знаменем батальона. 1917 г. Альбом № 531. Снимок № 201

№ 2

28 марта 1920 г.

1920 г. Марта 28 дня. Я, следователь Особого отдела ВЧК 5-й армии Ландышев, допросил Марию Леонтьеву Бочкиреву, обвиняемую в организации добровольческого отряда, которая показала:

1. Фамилия, имя и отчество: Мария Леонтьева Бочкирева
2. Сколько лет: 31
3. Уроженец: гор. Томск, Кусковской волости
4. Место постоянного жительства: Томск
5. Национальность и вероисповедание: православная
6. Партийность: беспартийная
7. Женат или холост: замужняя
8. Социальное положение: отец и мать, 4 сестры
9. Образование: где, когда и что окончил: неграмотная
10. Собственное имущественное положение: нет
11. Специальность: крестьянка
12. Был ли под судом, следствием: где, когда, за что: 1918 год, февраль, ошибочно арестована в Москве
13. Служил ли в полиции, жандармерии, охранке, где и когда: нет

1914 года, октября месяца поступила в армию Николая, в 25-й батальон запаса, рядовым солдатом, где прослужила 2 1/2 месяца. По окончании строевой дисциплины отправилась на фронт в особую армию и армейский корпус. Не упомянута армия. Была откомандирована в 7-ю дивизию 28-го Полоцкого полка, где и прослужила до революции 1917 г. и в 1917 году переехала в Петроград лично к Керенскому. Помогал просьбе моей Родзянко, который меня и увез. И в Петрограде явилась к Керенскому с докладом о разрешении сформировать женский 1-й батальон смерти имени Бочкиревой. На что и получила разрешение и что мною было исполнено в количестве 2000 женщин, некоторых я за плохое поведение расформировала — 1500 [чел.] в инженерный батальон. Сама осталась лишь с 500-стами, которых я выучила военной дисциплине. 27 июня меня произвели в прапорщиком и преподнесли знамя в [честь] имени моего. Июля 1-го был отслужен молебен в Казанском соборе. После означенного молебна отправилась совместно со своим отрядом на фронт, в Молодечно, в ведение 8-го Сибирского корпуса.

8-го числа с [его] месяца вступила в бой против германцев. Ночью на 9-е число была контужена и [вывезена] в тыл, в лазарет Петрограда [Кенига], где была на излечении полтора месяца; по выписке из лазарета получила приказ Корнилова сделать осмотр женским батальоном и более достойных оставить при себе, и вновь не формировать. По [осмотру учений] мною в инженерном батальоне достойных женщин к службе не оказалось. Далее я выехала по приказу Корнилова в Москву, куда и явилась к полковнику Верховскому¹ — командующему Московским округом, которого попросила дать мне разрешение для осмотра женского батальона, на что и получила. Который мне и дал своего адъютанта, с которым я выехала на автомобиле по месту назначения для осмотра, что мною было выполнено, а по окончании осмотра я нашла нужным женщин всех расформировать, исключая своих 250 женщин, с которыми выехала на фронт в Молодечно в сентябре месяце, где и держала вплоть до самого переворота боевой участок, за что была произведена в поручики командиром корпуса генералом, фамилии не знаю.

Во время переворота 1917 года командир корпуса издал приказ расформировать свой отряд, что я и сделала. По окончании сего получила отпуск для отдыха домой в Петроград, где меня арестовали, но тут же освободили, а оружия, имеющегося при себе, — 1 наган и 1 шашку, не возвратили. В Петрограде я ночевала, т. е. прожила одни сутки, откуда и поехала в Томск на жительство к матери. В Томске прожила до февраля месяца 1918 года — занималась совершенно ничем, кроме домашнего дела. После означенного месяца выехала в Москву на лечение раненой ноги, нервного состояния, где ошибочно была арестована и тотчас же освобождена. После этого я вернулась в Томск, взяла с собой сестру — девочку 15 лет, с которой поехала во Владивосток с целью пробраться в Америку.

По приезде во Владивосток обратилась к консулу за получением средств, который меня сим удовлетворил, а по удовлетворению выехала на пароходе на букву «Ш»² в Америку и из Америки в Англию, из Англии в гор. Архангельск. По приезде в Архангельск обратилась к начальству с личным представлением и просьбой о получении назначения службы, что и получила в то же время. Мне было предложено сформировать добровольческий отряд боевой, с которым бы и отправиться на фронт против большевиков, в расстоянии от Архангельска 400 верст — Шенкурск. За что я не взялась по случаю моего бессилия. После приехала в гор. Томск. В 1919 году жила одну неделю, после сего выехала в город Омск, где явилась к дежурному генералу Белову, у которого стала просить отставку и пенсию как

На строевых занятиях. 1917 г. № 4-16462

командир батальона. Чем я была им удовлетворена — только лишь одним докладом обо мне Колчаку.

За 4 дня до отступления от Омска мне было назначено личное свидание генералом Беловым явиться к Колчаку. Когда я явилась в 11 часов дня, его адъютант сказал, что «Вас просят»; я прошла в его кабинет. Меня весьма приветствовали совместно генерал Голицын, который был тут же у Колчака. Колчак мне сказал: «Вы просите отставку, но такие люди как Вы нам весьма нужны, притом, прошу Вас сформировать, так как я на Вас надеюсь, сформировать отряд санитаров». На что я согласилась и что приступила осуществить. Сформировала отряд санитаров из тех лиц мужского пола, которые не принадлежали к мобилизации. Мужчин было 30 человек и 170 женщин, всего — 200 номеров. В то же время мне дали квартиру для штаба и казарму для санитаров. После сего — прикомандировала свой отряд в санитарный 6-й госпиталь, а сама выехала в Новониколаевск на лошадях, совместно с офицерами, в количестве 4 лиц, куда и приехала. Офицеров оставила там и пост свой оставила, выехала в Томск к родным, где и жила вплоть до советской власти и [у] комгора³ зарегистрировалась с выдачей расписки о невыезде⁴. Арестовали меня там же, ночью 24 декабря н. с., в 2 часа ночи, как неимеющей право ходить ночью [без] пропуска; совместно с другими личностями незнакомыми меня привезли к комгору в правление, за исключением меня остальных освободили. Я же осталась в арестном помещении у комгора, где пробыла одни сутки, затем сопроводили в следственную комиссию, где с меня сняли допрос и сопроводили в тюрьму, где и находилась до прибытия в гор. Красноярск. Организацию я проводила, но только невооруженную, а санитарную часть, что может подтвердить в доказательство при сем прилагаемая копия приказа — и я же сего не отрицаю. Более сказать ничего не знаю, в чем и подписуюсь.

Поручик М. Левонтиевна Бочкирева

На протоколе приписка: «Производство получала за боевые отличия против германца до 1917 года, а с 17 года июля месяца в боевых наступлениях не участвовала. Ордена получала за боевое отличие о[т] Николая. Бочкирева».

Уголовное дело № 796. Л. 21—24. Подлинник.

---

¹ Верховский А. И. (1886—1938) — до Октябрьского переворота генерал-майор, в августе-октябре 1917 г. — военный министр Временного правительства, с 1919 г. служил в Красной армии, в 1921 г. на преподавательской работе, комбриг с 1936 г., автор воспоминаний. Репрессирован.

² «Шеридан».

³ Комгор — комендант города.

⁴ Удостоверение, выданное М. Л. Бочкиревой комендантом г. Томска 22 декабря 1919 г. за № 292: «Дано сие гражданке Марии Леонтьевне Бочкиревой в том, что ей разрешается проживать в гор. Томске, что [подписями] с приложением печати удостоверяется. Пом. коменданта» (Уголовное дело № 796. Л. 9).

№ 3

Не ранее 28 марта 1920 г.

Протокол допроса, произведенного следователем Томской Чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступлением под личностью Федоровым, от марта 1920 г. показал:

Фамилия: Бочкирева

Имя и отчество: Мария Леонтьевна

Возраст: 31 год

Место жительство: г. Томск, Горшковский пер., д. № 20, кв. 8

Бывшее сословие: крестьянка Томск[ой] губ[ернии] и уезда б[ывшей] Семилуж [ской] волости

Профессия: чернорабоч[ая]

Образование: никакого

Семейное состояние: замужняя, детей нет

Имущественное состояние: не имею

Средства к существованию: личный труд

Партийность: беспартийная

Чем занималась или где служила:

а) До войны 1914 года: в г. Томске черным трудом

б) До Февральской революции 1917 года: на австро-германском фронте в качестве фронте¹

в) До Октябрьской революции 1917 года: то же на фронте в качестве командира женского батальона смерти имени Бочкаревой

д) Какие выборные должности занимала со времени революции: нет

е) Сведения о прежней судимости: нет

Дознание по настоящему делу: Будучи в Англии на излечении я в августе месяце 1918 года, по предложению военной миссии, отправилась в г. Архангельск, в распоряжение штаба войск, действующих на севере России против большевиков. Но разругавшись там с ген [ералом] Марушевским² — команд [ующим] Сев [еро] -Зап [адным] фронтом, я жила до августа месяца 1919 года в г. Архангельске, ничего не делая. И затем, когда организовалась экспедиция в Сибирь, я уехала с ней по Северному пути в г. Томск, куда прибыла за месяц до эвакуации Омска. Прожив в г. Томске около двух недель, я поехала в Ставку за получением отставки, но там меня по распоряжению Колчака назначили командиром главн [ого] женск [ого] доброволь [ческого] санит [арного] отряда моего имени, который я должна была сама организовать. Эту работу я вела всего пять дней до эвакуации Омска, но сознаюсь, за эти дни я наклеила объявлений несметное количество по всем заборам «сибирской столицы» и раза два выступала с призывом идти в добровольческий санитарный отряд. Я эвакуировалась в г. Новониколаевск, где снова стала просить себе отставку, но ген [ерал] Сахаров³ мне приказал двигаться до Иркутска. Доехав до ст. Тайга, я повернула на Томск и здесь решила остаться. На регистрацию явилась, оружие сдала и 25/XII по старому стилю была арестована.

В тюрьме я натворила историю, из-за которой была арестована надзирательница Евсеевна, но в которой целиком виновата я. Дело в том, что в тюрьме я болела тифом и за мной ухаживала гражданка Майдель. Последняя все время убивалась о своем ребенке, который с арестом ее и отца находится в ужасных условиях. Я пожалела мать и стала уговаривать надзирательницу Евсеевну сходить по указанному адресу и спрятаться о судьбе ребенка Майдель. Евсеевна только после трехдневного моего слезливого упрашивания согласилась сходить, но записи никакой она не брала. После этого меня посадили в одиночку, и оттуда я написала записку в ту камеру, где раньше сидела. Но записка попалась нач [альнику] тюрьмы. Евсеевна же была арестована по доносу Грековой⁴.

Из коммунистов меня знают Малах Ал. Германович, тов. Попов и, наконец, мой прежний муж — Бочкарев, с которым я не живу уже двенадцать лет. Бочкарева.

Уголовное дело № 796. Л. 14. Подлинник.

¹ Так в документе.

² Марушевский В. В. (1874—?) — в 1902 г. окончил Академию Генштаба, участник первой мировой войны, в 1918 г. вошел в ВПСО в качестве генерал-губернатора, в январе 1919 г. передал свои функции Миллеру, в августе 1919 г. эмигрировал. Автор воспоминаний.

³ Сахаров К. В. (1881—?) — в годы первой мировой войны — полковник, затем генерал-лейтенант на Румынском фронте, служил у Корнилова, Деникина, Колчака, атамана Семенова. Эмигрировал в Германию.

⁴ В донесении сокамерницы А. А. Анисимовой по другому освещается эпизод с надзирательницей Евсеевной: «Заключенная в тюрьме Бочкарева передавала письма на свободу посредством надзирательницы Евсеевны и просила ее словесно передать ее матери и сестре, чтобы они спрятали находящуюся у них [брошку] с камнями, которая очень ценна, и притом же Бочкарева говорит — умру за Колчака» (Уголовное дело № 796. Л. 15).

добров [ольческого] отряда, которая показала:

1. Фамилия, имя и отчество: Бочкирева Мария Левонтьевна
2. Сколько лет: 31 год
3. Уроженец: Томской губернии того же уезда Семилужской волости деревни Кусково
4. Место постоянного жительства: Томск
5. Национальность и вероисповедание: великоросс
6. Партийность: беспартийная
7. Женат или холост: замужняя
8. Социальное положение: из крестьян
9. Образование: где, когда и что окончил: образования не имеет
10. Собственное имущественное положение: нет
11. Специальность: поручик
12. Был ли под судом, следствием: где, когда, за что: нет
13. Служил ли в полиции, жандармерии, охранке: где и когда: нет.

Мои родители — бедные крестьяне, хлебопашеством не занимаются уже как двадцать лет и живут в городе Томске по Горшковскому переулку в доме № 20. Отцу моему 70 лет слишком, а матери — 69 лет.

На войну в 1914 году я пошла из чувства патриотизма и желала умереть за родину. В Томске в 1914 году, в октябре месяце, я подала на имя Николая II телеграмму о своем желании поступить на военную службу. Был получен от Николая II ответ — принять меня на военную службу в качестве добровольца. Царь разрешил. И меня зачислили нижним чином в 25-й Томский запасной батальон. В этом батальоне я прошла военную науку и стрельбу и через два с половиной месяца была отправлена с маршевой ротой на фронт — под Молодечно.

По прибытии на фронт маршевая рота была прикомандирована к 5-му армейскому корпусу, к 7-й дивизии, к 28-му Полоцкому полку. За все время моего пребывания на фронте в этом полку в боях я была четыре раза ранена, за участие в этих боях я получила все четыре степени Георгиевских крестов. 1917 года мая 1-го дня я на фронте встретила Родзянко, и при разговоре с ним командир Полоцкого полка сообщил Родзянке, что в полку имеется женщина-доброволец, которая находится на фронте с начала войны, своим мужеством и храбростью показывает пример мужчинам и награждена 4-мя степенями Георгиевских крестов.

Петроградский женский батальон смерти. Вторая справа младший унтер-офицер 28-го пехотного Полоцкого полка Мария Бочкирева. Петроград. 1917 г. № 2-100598

Родзянко пожелал меня видеть лично, я подошла к нему, и он меня поцеловал и приказал сшить для меня новое обмундирование и отправить меня в Петроград.

Я в Петроград выехала вместе с Родзянкой. По приезде в Петроград, в Таврическом дворце, сделала членам Временного правительства доклад. В докладе я говорила, что солдаты не слушаются начальства и братаются с немцами. Мне сказал Родзянко, а чем бы помочь, чтобы поднять дух солдат. Я ему предложила — может помочь этому тем, [что] сформировать добровольческий женский батальон. Мне на это сказали, что моя идея великолепная, но нужно доложить Верховному главно-командующему Брусилову и посоветоваться с ним. Я вместе с Родзянкой поехала в Ставку Брусилова. За обедом я познакомилась с Брусиловым, он говорил все время с Родзянкой. Брусилов в кабинете мне говорил, что надеется ли вы на женщин и что формирование женского батальона является первым в мире. Не могут ли женщины осрамить Россию? Я Брусилову сказала, что я в женщинах не уверена, но если вы дадите мне полное полномочие, то я ручаюсь, что мой батальон не осрамит России, но только, чтобы не было комитетов. Брусилов мне сказал, что он мне верит и будет всячески стараться помогать в деле формирования женского добровольческого батальона, и я обрадовалась. Вернулась с Родзянкой в Петроград.

На 2-й день по приезде я была в Зимнем дворце представлена Керенскому. Была приглашена на обед. Керенский за обедом меня приветствовал и сказал мне, что он разрешает мне формировать женский батальон смерти моей фамилии, т. е. добровольческий женский батальон смерти Бочкиревой. 22 мая 1917 года в Петрограде в Малом Мариинском театре я выступила с устной агитацией с призывом к женщинам с тем, чтобы они вступали в батальон моего имени. В своем призывае я говорила женщинам, что солдаты в эту великую войну устали, что им нужно помочь, пойти к ним на помощь нравственно. При этом я записала две тысячи женщин добровольцев.

Мне дали казарму на Торговой улице в Петрограде, выдали обмундирование и вооружение, дали инструкторов. Я приступила к обучению своего батальона. В этот период я откомандировала от себя 1500 женщин за их легкое поведение, и они в Инженерном замке образовали от себя самостоятельный ударный батальон и созвали Всероссийский съезд женщин. А я с пятьюстами женщин осталась формироваться. 27 июня 1917 года я присутствовала при освящении знамени моего батальона в Исаакиевском соборе. Генерал Корнилов, в присутствии Керенского и других членов Временного правительства, вручил мне знамя и произвел меня в прaporщики. 1 июля 1917 года, после молебна в Казанском соборе, я со своим батальоном отправилась на фронт под Молодечно, где меня с батальоном

Подготовка к наступлению 18 июня. Шестая справа во втором ряду
М. Бочкирева. Петроград. 1917 г. № 2-100592

прикомандировали к 1-му Сибирскому корпусу. 8 июля я с батальоном участвовала в бою под Крево. Были взяты две линии немецких окопов. Когда зашли в Спасский лес, то солдаты нас бросили на произвол судьбы, и я осталась с батальоном одна. 9 июля утром немцы перешли в наступление, и я с батальоном отступила, при этом я была тяжело контужена и вынесена в бессознательном состоянии с места боя¹. Меня отправили в Петроград, в лазарет [Кенига], где я пролежала полтора месяца. За этот бой я была представлена к золотому оружию, но оружия не получила, а была произведена в подпоручики.

Когда я поправилась, то получила приказ от генерала Корнилова сделать женским батальоном смотр и годных влить в мой батальон, и вновь батальонов не формировать, негодных расформировать, что мной было сделано. Ездила в Москву, делала смотр московскому женскому батальону и нашла его тоже негодным для боевого дела. И уехала на фронт к своему старому батальону и решила больше женщин не брать, потому что я в женщинах разочаровалась. На фронте я приняла боевой участок, который и охраняла до свержения Керенского.

От советской власти была получена телеграмма, чтобы я свой батальон расформировала и сейчас это же сделала. Это было осенью 1917 года. После расформирования батальона я поехала в Петроград. В Петрограде меня на станции арестовали и отвезли в Смольный, отобрали шашку, револьвер, наган, документы. Меня посадили в Петропавловскую крепость, где я отсидела 7 дней, после была вызвана в Смольный, где со мной говорил неизвестный мне господин, который предложил мне поступить на службу советской власти и говорил, что вы — крестьянка и должны защищать свой народ², но я ему сказала, что слишком измучилась за войну и в гражданской войне не хочу принимать участия. Мне дал этот господин денег, и я поехала на родину в Томск. Это было после свержения Керенского, недели две со днями. В это время я была утверждена Корнилова и была убеждена, что советская власть идет рука об руку с немцами с тем, чтобы посадить на русский престол Вильгельма. Об этом говорило все офицерство и та среда, в которой я вращалась. На позиции, в своем батальоне, я митингов делать не разрешала и агитаторов в батальон не допускала.

Большевиков я считала своими врагами и врагами родины. Во время Октябрьской революции я в Петрограде не была, а была со своим батальоном на позиции под Молодечно, около деревни Белой. По приезде в Томск я стала жить с отцом и матерью, занималась домашностью: стирала белье, шила для себя. В этот период, перед Новым годом 1918 года, у меня открылось старое ранение правой ноги, и я поехала в Москву лечиться. Когда приехала в Москву, то меня на станции опять арестовали; присидела на гауптвахте, перевели в Бутырскую тюрьму, наводили справки обо мне в Томске, продержали меня два месяца. Я лежала в тюремной больнице с большой ногой. Потом меня освободили. Я поехала обратно в Томск; ехала я домой в Томск в Великий пост. Нога болела, жить было в Томске нечем, и я с сестрой 15-летней поехала во Владивосток, где я обратилась к американскому консулу за помощью, чтобы он дал мне средств и возможность уехать с сестрой в Америку лечиться. Консул мне помог, и я была отправлена на пароходе [на] букв[у] «Ш» в Америку.

В Сан-Франциско, в Америке, мне сделали женщины встречу: приветствовали, устраивали обед. Из Сан-Франциско я поехала в Нью-Йорк, где определила сестру учиться на казенный счет, а сама поехала в Вашингтон и легла в госпиталь, где пролежала месяца полтора. В Вашингтоне я была у русского посла Бахметьева Бориса Александровича, который меня спрашивал о России, и я ему сказала, что Сибирь вся взята советской властью. Он говорил мне, что он больше знает, чем я — приехав из России. В праздник Революции я была приглашена президентом Вильсоном на обед. Вильсон меня принял как первую женщину-офицера и сказал, что он считает за честь меня видеть. Я Вильсону сказала, что я считаю себя очень счастливой женщиной, что я вышла из народа и вижу представителя свободной страны. Вильсон спросил меня: кто прав и кто виноват в России, то я ему сказала, что я слишком мало разбираюсь в этом вопросе и боюсь попасть в ложное положение. На этом кончился мой разговор с президентом Америки Вильсоном, он пожелал мне всего хорошего, и я вернулась в гостиницу, где жила. Через две недели я поехала в Нью-Йорк и оттуда на пароходе в Англию.

По железной дороге приехала в столицу Англии в город Лондон, где и осталась.

новилась в гостинице «Саво[й]», где я жила на средства известной богатой суфражистки мисс Панкрес³. Эта суфражистка устроила мне свидание с военным министром Англии. Я попросила военного министра представить меня королю Англии. Мое желание было исполнено. В половине августа месяца 1918 года секретарь короля приехал на автомобиле и вручил мне бумажку, в которой говорилось, что король Англии принимает меня на 5 минут, и я сделала военную офицерскую форму, одела полученные мной в России ордена и со своим переводчиком Робенсом поехала во дворец короля.

Вошла в зал, и через несколько минут распахнулась дверь и вошел король Англии. Он имел большое сходство с царем Николаем II. Я пошла навстречу королю. Он мне сказал, что он очень рад видеть вторую Жанну Д'Арк и как друг России «приветствую Вас как женщину, которая много сделала для России». Я в ответ ему сказала, что я считаю за великое счастье видеть короля свободной Англии. Король предложил мне сесть, сел против меня. Король спросил к какой я партии принадлежу и кому верю, я сказала ему, что я к партии ни к какой не принадлежу, а верю я только генералу Корнилову. Король мне сказал новость, что Корнилов убит, я сказала королю, что я не знаю кому теперь верить и в гражданскую войну я воевать не думаю. Король сказал мне: «Вы русский офицер». Я ему ответила, что да, король тогда сказал, что ваш прямой долг через четыре дня поехать в Россию в Архангельск и я надеюсь на вас, что вы будете работать. Я сказала королю Англии: «Слушаюсь!». Король приказал секретарю, чтобы сделали распоряжение: на пароходе, направляющемся в Архангельск, дали мне каюту и чтобы русский посол дал бы мне русского офицера в качестве адъютанта. Адъютанта мне дали поручика Филиппова⁴, с которым я и поехала в Архангельск.

[Когда] прибыла в Архангельск, то явилась к русскому командующему Архангельским фронтом генералу Мурашевскому⁵, которому я сказала — я приехала с Англии получить служебное назначение. Генерал предложил мне сесть и сказал, что очень рад, что вы приехали. Здесь у нас только начинает зарождаться новая армия, поэтому я прошу, чтобы вы сформировали здесь маленькую боевую добровольческую ячейку, но не женскую, а мужскую. Я ему сказала, что я боевого дела во время гражданской войны не принимаю. Генерал на меня закричал, что вы — русский офицер и отказываетесь от того, что вам приказывают. Я ему сказала, что вы на меня не кричите, что я видела не таких, как вы и кричать на себя не позволю, то генерал приказал меня арестовать. Меня хотели арестовать, но мой адъютант поручик Филиппов тут же переговорил с английским генералом Пулем⁶, он сказал, чтобы меня не арестовывали. От меня отобрали переводчика и адъютанта, и я просидела под домашним арестом 7 дней. Это было в первых числах сентября 1918 года.

Накануне Нового года был в газете напечатан приказ о том, что я много сделала для России в германскую войну и эту работу оценят в будущем центральная Россия, а теперь в моей работе не нуждаются, что обойдется без женщин и просят меня снять военную форму и погоны⁷. Я этим была страшно возмущена, пошла к генерал-губернатору Архангельска Миллеру и сказала ему, что форму и погоны никто с меня не имеет права снять, я никакой измени не сделала, а что я отказалась делать, что мне приказал генерал Мурашевский, то это потому, что считаю себя инвалидом и у меня нет сил формировать боевой отряд. С Миллером я спорила. Я пошла к заместителю генерала Пуля, к английскому генералу⁸. Я ему сказала, что я отдала для России все, что у меня было, теперь я больная женщина и что не приняла приказа потому, что не могу его выполнить и со мной за это так жестоко поступили. Он сказал мне, что он это все выяснит, и через три дня в газете появился приказ, в коем говорилось, что поручик Бочкирева имеет право носить военную форму и погоны и числиться в резерве чинов с окладом 750 рублей в месяц. Это было 3 января 1919 года.

До июля месяца я жила на получаемый оклад, числясь в резерве чинов, ничего не делая. В июле месяце я из газет узнала, что экспедиция собирается отправиться в Сибирь. Экспедиция военная, которая должна доставить для армии Колчака пулеметы, снаряды, обмундирование. Капитан этой экспедиции был морской офицер Савицкий⁹. Я пошла к генерал-губернатору Миллеру и стала просить у него разрешение поехать с этой экспедицией в Сибирь на родину. Мне дано было на это разрешение, но сказано было, что эта экспедиция двинется из Архангельска не раньше как через месяц.

10 августа 1919 года я с экспедицией капитана Савицкого покинула Архангельск. Плыла на пароходе «Колгуев», помимо этого парохода было 7 пароходов. На пароходе я прибыла в устье реки Оби, до устья Оби от Архангельска я в дороге пробыла месяц с тремя днями. На устье Оби была выгрузка из пароходов экспедиции Савицкого на баржи полковника Котельникова¹⁰ оружия и обмундирования, и снарядов. Здесь я пробыла две недели, и мы потом отправились с экспедицией Котельникова на Тобольск. Но когда экспедиция прибыла в город Березов, то Котельников получил телеграмму, что Тобольск взят советскими войсками. Тогда Котельникову было приказано половину экспедиции направить на Красноярск и половину на Томск. И я поплыла со второй половиной экспедиции на Томск. В дороге от Березова я пробыла до Томска три недели.

Приехала в Томск. Родителей застала в бедственном положении. Тут же зять мне стал говорить, что я заблуждаюсь — посмотри, три баржи замороженных красноармейцев стоят на Оби, а ты сочувствуешь нашим врагам. Я сказала зятю и своему мужу Бочкареву, с которым я не жила 12 лет, что я сочувствовала белым потому, что уверила, что большевики идут рука об руку с германцем для того, чтобы сделать в России царем Вильгельма. А теперь я поняла, что я глубоко ошиблась и поэтому я поеду в Омск к Колчаку и буду просить, чтобы дал мне от военной службы отставку совсем и пенсию. Прожила я в Томске неделю и поехала в Омск.

По приезде в Омск я явилась в Ставку к дежурному генералу Белову и доложила ему, что я больше не в силах ничего делать и просила, чтобы мне дали отставку с пенсией как батальонного командира, с мундиром штабс-капитана. Белов мне сказал, что сегодня будет на докладе у Колчака и дождется обо мне. Белов мне велел прийти завтра. Я явилась к Белову 8 ноября, и он мне сказал, что Колчак желает меня видеть и назначает мне свидание в воскресенье, 10 ноября. Я пришла в воскресенье в 12 часов дня в дом Колчака. Ему доложили, вышел адъютант и сказал мне, что вас просит к себе верховный правитель. Я вошла в кабинет Колчака и там увидела — Колчак вел разговор с генералом Голицыным — главнокомандующим добровольческими отрядами. Когда я вошла, то Колчак и Голицын оба встали и приветствовали меня, и сказали, что обо мне много слышали и предложили сесть. Колчак стал мне говорить: «Вы просите отставку, но такие люди, как Вы, сейчас необходимо нужны. Я Вам поручаю сформировать добровольческий женский санитарный отряд (1-й женский добровольческий санитарный отряд имени поручика Бочкаревой)». Он говорил, что у нас много тифозных и раненых, а рук, которые бы ухаживали за больными, нет. «Я надеюсь, что Вы это сделаете».

Я предложение Колчака приняла. Колчак обратился к генералу Голицыну и сказал, что Бочкарева поступает в его распоряжение, дайте ей сейчас же квартиру и инструкторов, чтобы она могла завтра сделать лекцию — призывать добровольцев женщин в свой санитарный отряд, и дал распоряжение, чтобы мне выдали аванс двести тысяч для формирования отряда. 11 ноября уже были расклеены по всему Омску афиши с призывом, что приехала известная организаторша добровольческих отрядов поручик Бочкарева из Архангельска и что она будет сегодня в театре «Гигант» выступать с призывом к женщинам, чтобы формировать женский добровольческий санитарный отряд. И 11 ноября я выступала с речью, призывающей женщин вступать в добровольческий женский санитарный отряд. Это было в театре «Гигант» в 6 часов вечера. 12 ноября точно с такой же речью я выступала в театре «Кристалл». Тотчас с обоих митингов я набрала добровольцев женщин сто семьдесят и мужчин — тридцать. Мне было назначено четыре офицера, начальник штаба — полковник и казначей — поручик и адъютант в чине поручика. И отряд я сформировала в двести человек. На довольствие мой отряд был зачислен к добровольческой дружине Святого Креста и Зеленого Знамени¹¹.

13 ноября я пошла получить от генерала Голицына деньги двести тысяч и вагоны, чтобы я могла сделать посадку своих людей для отступления от надвигающейся Красной армии. Но уже Колчак и Голицын, и начальник гарнизона уехали, я была тогда в ужасе — не знала, как мне поступить с людьми. Они ни за что не хотели оставаться в Омске, а денег и перевозочных средств не было. Тогда я окончательно разочаровалась в Колчаке и во всем и дала слово, что больше ничего не буду делать в их пользу. Я по телефону позвонила в кадетский корпус врачу и предложила ему принять 200 человек моих санитаров. Я просила

врача сказать, что он отступает, санитарам¹². Я с бумагой послала людей своего отряда к врачу, и он их принял, а я 14 ноября утром на обывательских лошадях поехала в Новониколаевск. 26 ноября прибыла в Новониколаевск. Явилась в Ставку к дежурному генералу, которому сдала 4 офицеров моего штаба санитарного отряда и 6 человек писарей. Я сказала генералу, что если вы со мной поступили так подло, без денег и без перевозочных средств бросили меня в Омске, то я вообще у вас служить не могу — я уезжаю домой в Томск. Генерал сказал мне подать рапорт на имя командующего Сахарова, есть приказ, чтобы вы ехали до Иркутска и там вам выдадут средства и все для формирования женского добровольческого санитарного отряда. Я пошла к генералу Сахарову и сказала, что я больше служить не могу. Он сказал, чтобы я подала ему рапорт и в дороге на какой-нибудь из станций пришла бы в его поезд спрятаться.

На станции Болотной стоял поезд Колчака и Сахарова, я пошла в поезд, но меня ни Колчак, ни Сахаров не приняли, и я поехала на станцию Тайга, где добивалась вновь увидеть Колчака и выяснить свое положение. Но я Колчака не видела, а Сахарова на станции встретила. Он мне сказал, что ему сейчас не до меня, и сказал, чтобы я ехала куда приказано, но я поехала в Томск.

Я прожила в Томске при белых 5 дней, потом пришла советская власть. Я явилась к коменданту города Томска, сдала ему револьвер, рассказала, кто я и что делала у белых, предлагала свои услуги советской власти. Комендант сказал, что он в моих услугах не нуждается, а когда понадобится, то он за мной пошлет. Комендант взял с меня подпись о невыезде из города, и меня отпустили, сказали, что арестовывать не будут.

Я жила дома, скинула военную форму, одела женское платье и решила больше ничего не делать, и стала с сестрой шить на солдат шинели. На Рождество в 2 ч. ночи, около Старого собора, я была арестована, позже посажена в Томскую тюрьму, откуда меня перевели в Красноярск. Не имела желания идти с добровольческой дружиной Святого Креста на фронт. Я не препятствовала Колчаку и его правительству пользоваться моей фамилией как средством агитационным с целью формировать добровольческие отряды для борьбы с советской властью. Мне листили, что добровольческий санитарный отряд называют моей фамилией — отряд Бочкиревой. Я верила в Колчака и в его правоту, а поэтому не осталась в советской России. Позже я во всем разубедилась и решила бросить всю службу, и считала, что глубоко ошибалась. От Николая II мной получено за боевое отличие 4 степени Георгиевских крестов, 3 медали: 2 серебряных и 1 золотая за усердие. За формирование женского батальона смерти в 1917 году была произведена в прапорщики, позже за боевое отличие на фронте — подпоручики, а за держание боевого участка на фронте была произведена в поручики.

Виновной перед советской республикой себя признаю. В том, что я сочувствовала Колчаку и белым и формировала добровольческий женский санитарный отряд, выступала сама с агитацией и не препятствовала пользоваться моей фамилией как средством агитации для добровольческих формирований. Показание мое признаю правильным, в чем и даю подпись моей руки. Бочкирева.

Военный следователь Особого отдела ВЧК при 5-й армии Поболотин

На документе помета: «Окончательный».

Уголовное дело № 796. Л. 26—33. Подлинник¹³.

¹ Об этом бое Бочкирева рассказала в интервью журналу «Искры» (первом опубликованном воспоминании): «В ночь с 7 на 8 июля полк должен был наступать. Работа артиллерии быстро уничтожила немецкие проволочные заграждения и окопы. По первому приказанию женский батальон безудержно ринулся вперед на передовую линию германских окопов. К нашему ужасу, среди солдат что-то произошло. Часть пошла вперед, большинство же повернуло к врагу спину. Отчаянные призывы и увещевания женщин успеха не имели. В этот момент неприятель осыпал нас тяжелыми снарядами. Женский батальон и верные долгу солдаты, тем не менее, пошли вперед и завладели двумя линиями окопов. В общей сумятице мы сбились с пути. Вместо того, чтобы следовать за полком, мы взяли вправо и попали на место, усиленно обстреливаемое немцами. Вблизи виднелся Спасский лес. Батальон рассыпался цепью и пробрался в этот лес. Призывы на помощь не действовали на трусов.

Солдаты отвечали, что боятся леса, т. к. там могут быть немцы. В этом первом бою мы потеряли около 30 убитых и 70 раненых» («Искры». Пг., 1917. № 29. С. 231).

² В книге «Яшка» Бочкарева рассказала о встрече в Смольном с В. И. Лениным и Л. Д. Троцким. Найти подтверждение этой встречи в Российском центре хранения и изучения документов новейшей истории не удалось.

³ Правильно Панкхерст Э. (1859—1928).

⁴ Филиппов Л. Г. (1894—?) — родился в С.-Петербурге, воспитывался в Киевском Екатерининском реальном училище. В июле 1914 г. добровольцем поступил на службу в 280-й Сурский пехотный полк, в 1915 г. получил первые офицерские чины, переведен в 58-й Прагский пехотный полк. В июне 1915 г. попал в плен, в мае 1917 г. бежал, произведен в поручики. Два месяца состоял адъютантом у Бочкаревой на линии фронта, в августе 1917 г. командирован в Севастопольскую военную авиационную школу. В апреле 1918 г. Бочкарева встретилась с ним в Владивостоке. Сопровождал ее до зимы 1919 г., был доверенным лицом в издании воспоминаний Бочкаревой в США. В конце 1919 г. назначен в Архангельске командиром Подгорского отряда Холмогоро-Пинежского района (РГВА. Ф. 39450. Оп. 1. Д. 71. Л. 51; Д. 153. Л. 41; Д. 196. Л. 55).

⁵ Здесь и далее в тексте ошибочно написано: Мурашевский. Правильно — Марушевский.

⁶ Пуль Фредерик — генерал-майор, командовал британскими экспедиционными войсками в Архангельске.

⁷ В упоминаемом Бочкаревой приказе войскам Северной области № 100 от 27 декабря 1918 г. в частности говорилось: «26 сего декабря ко мне явилась прибывшая из Шенкурска г-жа Бочкарева, одетая в офицерскую форму кавказского образца, с офицерскими погонами, в сопровождении поручика Филиппова, коего она назвала своим адъютантом. Г-жа Бочкарева предложила мне свои услуги в работе по организации армии. Я не беру на себя обязанности оценить те заслуги, которые г-жа Бочкарева показала в деле формирования русской армии, и полагаю, что ее работа для Родины, а также пролитая ею кровь будут оценены и центральным правительством, и русской историей. Я лишь считаю своим долгом заявить, что в пределах Северной области, слава Богу, уже наступило время для спокойной созидательной государственной работы, и полагаю, что привлечение женщин к военным обязанностям, несвойственным их полу, лежало бы тяжким укором и позорным клеймом на всем населении Северной области. Предлагаю г-же Бочкаревой снять военную форменную одежду, а поручику Филиппову немедленно явиться в управление командующего войсками для регистрации и направления его по месту службы или в резерв чинов для работы, свойственной его чину и званию... Генерал-майор Марушевский» (РГВА. Ф. 39450. Оп. 1. Д. 136. Л. 170).

⁸ Айронсайд В. Э. (1880—1959) — барон, сэр, окончил Королевскую военную академию, командовал британскими экспедиционными войсками в Архангельске. Автор воспоминаний.

⁹ Здесь и далее в тексте ошибочно стоит Савицкий. Правильно — Вилькицкий Б. А. (1885—1961) — капитан 1-го ранга; участник русско-японской войны, в 1913—1915 гг. командир гидрографического судна «Таймыр»; помощник начальника гидрографической экспедиции Северного Ледовитого океана.

¹⁰ Котельников Д. Ф. (1876—?) — в 1908 г. произведен в штабс-капитаны, в 1913 г. зачислен в гидрографический корпус гидрографом с производством в капитаны.

¹¹ Приказ начальника гарнизона и особо уполномоченного по охране государственного порядка в г. Омске и окрестностях № 65 от 11 ноября 1919 г.: «§ 1. Согласно повеления верховного правителя предписываю поручику Бочкарев[ой] сформировать добровольческий санитарный отряд. Означенный отряд имеет право на все виды довольствия от казны. Отряд поручика Бочкаревой прикомандированывается к дружине Святого Креста и Зеленого Знамени. Полковник Карамышев» (Уголовное дело № 796. Л. 11).

¹² Так в документе.

¹³ В извлечениях окончательный протокол допроса опубликован в журнале «Родина» (1993. № 8—9).

№ 5

Заключение военного следователя Особого отдела ВЧК при 5-й армии к делу № 796

17 апреля 1920 г.

1920 года, апреля 17 дня я, военный следователь Особого отдела ВЧК при 5-й армии Поболотин, рассмотрев дело бывшего поручика армии Керенского и Колчака Марии Леонтьевны Бочкаревой — 31 г.— по обвинению ее по должностям офицера армии Колчака (добровольца) в том, что она своей добровольной службой Керенскому образовала 1-й женский ударный добровольческий батальон, который принимал участие в борьбе с советской властью в Петрограде. После свержения власти Керенского Бочкарева, будучи непримиримым врагом советской власти, являясь сторонницей политики генерала Корнилова, отправилась в Америку, где имела свидание с президентом Америки Вильсоном в Сан-Франциско,

будировала на американские пролетарские массы как мученица за идеал справедливости, в действительности являясь другом империалистов и капиталистов. Бочкарева из Америки проехала в Англию и через богатую супружистку добилась свидания с военным министром Англии, который ей и устроил свидание с королем Англии. На слова короля Англии: «Вы — русский офицер и должны отправиться в Архангельск и служить родине», Бочкарева ответила: «Слушаюсь», будучи при этом в полной офицерской форме и при орденах. Поехала в Архангельск, где и вращалась среди английского и русского белогвардейского командования, являя собой добровольческого агитатора. Бочкарева из Архангельска появляется в Омске и на свидании с Колчаком и с командующим добровольческими отрядами с генералом Голицыным дает свое согласие на формирование добровольческого женского санитарного отряда имени поручика Бочкаревой, участвует в театре, выступая с агитационным призывом вступать добровольно женщины [ам] в ее отряд. Организация этого отряда Бочкаревой доведена до конца. Она становится начальником этого отряда, который, согласно приказа, прикомандирована к добровольческому отряду Святого Креста и Зеленого Знамени. Преступная деятельность Бочкаревой перед РСФСР следствием доказана (см. протокол допроса окончательный и приказ № 65 от 11 ноября 1919 г.). Бочкареву, как непримиримого и злейшего врага рабоче-крестьянской Республики, полагаю передать на распоряжение начальника Особого отдела ВЧК при 5-й армии.

Справка: вещественных доказательств — нет. Военный следователь Особого отдела ВЧК при 5-й армии Поболотин.

На заключении резолюция: «Бочкареву Марию Леонтьевну — расстрелять. Павлуновский¹. 15/V—20 г.».

Уголовное дело № 796. Л. 35—35 об. Подлинник.

---

¹ Павлуновский И. П. (1888—1940?) — член РСДРП(б) с 1905 г. В ВЧК с момента ее организации, руководил ликвидацией «Союза защиты родины и свободы». С августа 1918 г. начальник Особого отдела 5-й армии Восточного фронта; с апреля 1919 г. заместитель, с августа — первый зам. начальника Особого отдела ВЧК. С 1921 г. — член Сибюро ЦК РКП(б), участвовал в операции по захвату Р. Ф. Унгерна фон Штернберга. С 1928 г. — зам. наркома РКИ, с 1930 г. — член Президиума ВСНХ, с 1932 г. — зам. наркома тяжелой промышленности СССР. С 1934 г. — кандидат в члены ЦК ВКП(б). В 1937 г. — репрессирован, погиб в заключении.

№ 6

Постановление следственной комиссии при Особом отделе 5-й армии

21 апреля 1920 г.

1920 года, апреля 21 дня, следственная комиссия при Особом отделе 5-й армии, рассмотрев дело гражданки Бочкаревой Марии Леонтьевны, быв[ший] поручик, обвиняем в добровольной службе в рядах армии Колчака, формировании батальонов женских и вражде к РСФСР

постановила: Для большей информации дело вместе с личностью обвиняемой направить в Особый отдел ВЧК в г. Москву.

Начальник Особ [ого] отд [ела]¹

Заведующий следственным отделом²

Уголовное дело № 796. Л. 36. Подлинник.

---

¹ Подпись неразборчива.

² Подпись неразборчива.